

Глаголь Время.

Органъ за свободу и не зависимость.

Еженедѣльные сообщения изъ единовѣрческой жизни.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 5 до 6 вечера во временной конторѣ Редакціи.

Цѣна съ доставкой и пересылкой: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣсяць 50 коп., съ приложеніями на 1 годъ — 6 руб., 1/2 года — 4 руб.; однѣ приложенія на годъ — 2 руб., 1/2 года — 1 рубль.

Отдѣльный номеръ въ Конторѣ и у газетчиковъ 10 копеекъ.

Содержаніе. Не правда ли? *Ив. Осиповъ.*—Такъ говорила Филиппія. *Василій Мед.*—О новомъ. *А. Зенгеръ.*—И только? *Б. Норшунговъ.*—Гасители. *Андрей Горбатовъ.*—Мелочи архіерейской жизни. *Вл. Байновскій.*—Въ далекомъ углу. *Б. Гейеръ.*—Одинъ человѣкъ *Вас. Чехъ.*—Изъ Александра Степановича *Пругавина.*—Благочинный. *З. Соловьевъ.*—Открытое письмо членамъ будущаго церковнаго собора. *Бывшій псаломщикъ изъ крестьянъ.*—Объявленія.

Не правда ли?

Мы не имѣемъ мощной опоры, которая помогла бы намъ разобраться въ современномъ морѣ событій съ чисто нравственной точки зрѣнія.

Мы не хотимъ отдать себя дешево, не хотимъ сдѣлать себя слѣпымъ орудіемъ тѣхъ или другихъ теченій, какъ бы глубоки и вѣрны онѣ не были.

Болѣе благоразумные изъ насъ предпочитаютъ быть внѣ всякихъ партій и движеній, если относительно ихъ не имѣютъ убѣжденія, что эти партіи дѣйствуютъ на почвѣ чистаго добра.

Но это обстоятельство насъ съ неизбежностью обрекаетъ на одиночество, вынуждаетъ насъ ко всему окружающему относиться пассивно, быть созерцателями совершающагося, и только.

И это положеніе имѣетъ за собой глубокія нравственныя основанія. Передъ лицомъ нашей совѣсти незапятнанное достоинство вынужденнаго бездѣйствія является высшимъ благомъ по сравненію съ цѣнностями общественными, нравственная чистота которыхъ является заподозрѣнной.

Но съ другой стороны, съ неменьшею ясностью выступаетъ и другая истина.

Если нашу жизнь такъ мощно волнуютъ силы явно отрицательныя или, по меньшей мѣрѣ, съ нравственной стороны сомнительныя, то не явная ли нужда и въ проповѣди и въ общественной дѣятельности на почвѣ добра чистаго, безъ всякой примѣси неправды и гнѣва?

Вслѣдствіе этого, въ значительной степени становятся понятными тѣ нареканія и осужденія, которыя нерѣдко раздаются изъ устъ вѣрующихъ людей по адресу церкви и духовенства. Это — прямое выраженіе той нравственной боли, той скорби о правдѣ, которая наполняетъ души.

Но какъ ни понятны, какъ ни естественны эти голоса, въ нихъ заключается значительная доля недоразумѣнія.

Если кто либо, находясь въ опасности, взываетъ о помощи вслѣдствіе невозможности освободить себя самъ, то, конечно, онъ на это имѣетъ право,—и мы не можемъ не осудить тѣхъ, кто, слыша призывы,—не спѣшитъ на помощь немедленно.

Но подымется ли голосъ осужденія на тѣхъ, кто, находясь вблизи отъ человѣка, по-

* Бывшіе подписчики журнала „Правда Православія“, желающіе подписаться на „Глаголь время“ — пользуются уступкою на 1 руб., т. е. съ приложеніями на годъ платятъ *пять* руб.
Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію; мелкія же изъ нихъ уничтожаются немедленно. Доставленныя въ редакцію статьи, въ случаѣ надобности, измѣняются и сокращаются.
Письменныя объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для редакціи не обязательны.

павшаго въ бѣду, не слышитъ его воплей потому, что глухъ или, слыша, не въ силахъ помочь, будучи самъ разслабленъ или связанъ?

И если мы приложимъ эту мѣрку къ нашему современному духовенству, этому первому церковному представительству, то найдемъ, что здѣсь имѣютъ одинаковое примѣненіе какъ сужденія о его нечувствительности, такъ и о его нравственной дряблости. Голосъ осужденія смѣняется невольно чувствомъ жалости, потому что достоинъ ея рѣшительно всякій человѣкъ, независимо отъ того, страдаетъ ли онъ по своей винѣ или по чужой.

Ссылка на то, что священство является болѣе отвѣтственнымъ, чѣмъ другія состоянія, не достигнетъ своей цѣли. Во первыхъ, кромѣ священства, въ нормально живущей церкви всегда выступаютъ и другія служенія—обычныя и чрезвычайныя. И если мы въ вину священству ставимъ то, что оно не помогаетъ намъ, то и оно въ равной мѣрѣ можетъ поставить намъ обвиненіе въ томъ, что мы не помогаемъ ему—не выдвигая изъ своей среды особыхъ духоносцевъ, хотя для этого нерѣдко имѣемъ болѣе благоприятныхъ условий, чѣмъ даже священство, болѣе насъ обремененное всякими внутренними и внѣшними обязательствами. И противъ этого ничего возразить нельзя.

Вина наша въ общецерковной слабости едва ли меньшая, чѣмъ вина папства.

Если въ древности священства нерѣдко избѣгали люди высокаго духа, единственно по смиренію, то этого никакъ нельзя сказать о нашемъ времени.

Мы уклоняемся отъ священства единственно потому, что слабо интересуемся христіанствомъ, и еще потому, что священство считаемъ не самымъ почетнымъ изъ всѣхъ служеній, а не выгоднымъ и отъ всѣхъ зависящимъ.

Сваливаніемъ своихъ обязанностей только на священство—мы церковь заключили въ формы прошедшаго, которое, вслѣдствіе нашего же нерадѣнія, не могло не омертвѣть. Въ церкви все должно совершаться съ благословенія Христова священства, но не все должно совершаться имъ самимъ. Апостолы своимъ примѣромъ показали, что для преемственнаго Христова служенія совершенно неприлично занятіе церковно-экономическими

вопросами. А мы по своему неразумію допустили церковь до того, что занятіе церковно-экономическими вопросами стало однимъ изъ главнѣйшихъ дѣлъ нашей іерархіи на всѣхъ ея ступеняхъ церковнаго управленія.

Положеніе же тѣхъ священниковъ, которые удержались на высотѣ своего служенія, поистинѣ трагично. Мы не можемъ себѣ представить того духовнаго одиночества и духовной беспомощности, въ которыхъ они находятся при сознаніи, что въ жизни церковной должно быть, а чего не должно быть.

Это горькая правда.

А мы сплотились ли всѣ вокругъ нихъ и совмѣстно трудимся надъ выясненіемъ идеаловъ христіанскаго добра и надъ созданіемъ такой жизни, которая есть жизнь грядущаго вѣка?

Ив. Осиповъ.

Такъ говорила Филиппія.

Вся исторія человѣка, его идеаловъ, его способностей, его склонностей, его болѣзней—короче—судьба человѣка всецѣло написана на выраженіи его лица и на всей его физической формѣ.

Первая наука—есть наука о самомъ себѣ; первая міровая добродѣтель—есть умѣніе усовершенствоваться. Единственное средство научить другихъ, это, прежде всего, научить самого себя. Мужественно, искренне и терпѣливо заглянемъ въ свое сердце, создаемъ въ нашихъ страстяхъ, ощущеніяхъ, чувствахъ, впечатлѣніяхъ. Мы добьемся двойной цѣли: научной и моральной. Научная цѣль будетъ достигнута, если мы отъ познанія самого себя возвысимся до познанія другихъ. Нравственная—когда изученіе и познаніе собственныхъ страстей и пороковъ дастъ намъ власть управлять и развивать полезное и подавлять губительное. Чѣмъ выше мы поднимемся въ знаніи самихъ себя и другихъ, тѣмъ яснѣе для насъ будетъ „тайна“, которая связываетъ Создателя съ Его міромъ.

Великій Судья, Единственный до глубины знающій сердце человѣка и Единственный въ любви, справедливости и терпѣніи—будетъ судить насъ за наши дѣла по нашей физической „формѣ“ и по заключающимся въ насъ исключительнымъ тенденціямъ.

Міровыя дѣла, восхваляемыя въ людяхъ, ничтожны будутъ въ глазахъ Бога. Ничтожныя дѣла—будутъ велики въ Его глазахъ. Почему же?

Не потому, конечно, что великія дѣла не достойны награды, а малыя дѣла—достойны, а потому,—что совершившіе великія дѣла люди имѣли, быть можетъ, „естественныя“ стремленія и „при-

способленную“ для этого физическую конституцию, а совершившіе малыя добрыя дѣла — совершили ихъ только „властью“ надъ собою.

Имѣющій даетъ—естественно и жертвъ или особыхъ усилій для этого не требуется; неимѣющій даетъ—есть уже жертва и требуетъ большой силы надъ собою.

Сила эта будетъ уже воля.

Не забудемъ, что воли свободной не существуетъ. Есть воля „непроизвольная“ и воля „произвольная“. Первая существуетъ со дня существованія міра, вторая если была, есть и будетъ—то только благодаря „завоеваніямъ“ человѣчества въ борьбѣ за дѣйствительную свободу.

Произвольная воля, идущая параллельно съ образованнымъ разумомъ—можетъ подавить или совершенно уничтожить самыя дурныя начала въ человѣкѣ.

Человѣкъ долженъ быть сильнымъ волей. Не будемъ очень снисходительны къ самимъ себѣ, такъ какъ иначе прійдемъ къ концу своей жизни къ разложенію духа и погибнемъ безславно, не оставивъ міру ни одной крупинки свѣта или идеи отъ пребыванія нашего среди людей.

Рѣдкій человѣкъ не думалъ: кто онъ такой, куда идетъ, для чего явился на свѣтъ Божій, гдѣ цѣль его жизни и счастья,—что онъ обязанъ сдѣлать для себя и другихъ и что онъ можетъ получить по праву отъ окружающей его жизни на основаніи имѣющихся въ немъ данныхъ.

Рѣдкій умъ не останавливался передъ стѣною, воздвигнутою между жизнью здѣсь, на землѣ, и жизнью такъ—за гробомъ.

Что тамъ, видѣ? Что здѣсь, на землѣ и на нашихъ глазахъ?

Роковые вопросы.

Гордые и отчаявшіеся узнать истину умы отодвигали эти вопросы въ сторону или старались избавиться отъ нихъ какъ отъ недуга, который неизбежно является въ извѣстный періодъ развитія каждаго, по который есть свойство Божественнаго духа человѣчества, когда оно способно еще быть живымъ и требовать отвѣтовъ на всѣ проявленія жизни и потому вынужденные идти въ область таинственную и неразгаданную.

Забыты опыты гениевъ, которымъ единственно обязаны мы лучшими сторонами жизни и которые одни только и должны имѣть въ насъ достойныхъ послѣдователей, учениковъ и преданныхъ всему тому, чему были преданы и они сами.

Но многое ли великое, завѣщанное человечеству, достойно хранится въ душахъ нашихъ? Слѣдуемъ ли мы не какъ рабы,—ибо рабство и гениальность—другъ друга уничтожаютъ,—а какъ свободные духомъ и мыслию по стопамъ великихъ умовъ, чистыми кристаллами блистающихъ на протяжении тысячелѣтій исторіи эволюціи міра?

Нѣтъ, не слѣдуетъ. Почему? невольно раждается въ головѣ? Да потому, что мы не знаемъ кому слѣдовать. Мы плывемъ день за день по

волнамъ видимаго физическимъ окомъ потока бытія, кое гдѣ остановимся, какъ бы собираясь что то такое вспомнить, что то сдѣлать, постоянно скорбимъ на „судьбу“, жалуемся на людей, становимся злыми безъ причины, добрыми безъ основанія, распатаемъ свою матеріальную оболочку въ мелочахъ безконечно однообразныхъ дней, одряхлѣемъ, потеряемъ по дорогѣ живыя, послѣднія крупинцы мужества,—а при этомъ—непремѣнно являемся истиннымъ бичемъ для близко соприкасающихся съ нами людей, вымѣщаемъ свои тяжелые грѣхи на подчасъ совершенно невинныхъ жертвахъ, сѣемъ кругомъ себя эгоніемъ высохшаго сердца, наполняемъ скорбью и болью жизнь даже родныхъ по крови...

Но мы можемъ допустить въсебя и раскаяніе! Мы можемъ плакать, терзаться ужасомъ бесполезно пройденной жизни, тайно ненавидѣть все, что ярче блеститъ насъ самихъ, что хотя бы одной искрою духовнаго огня теплится больше въ другомъ человѣкѣ.

Мы имѣемъ всѣ данныя сдѣлаться притчею во языцѣхъ, всѣ данныя—часть ниже всякаго созданія, населяющаго землю.

Впрочемъ, мы не лишены одной способности—любить! Любовь наша, уготованная Всевышнимъ для того, что бы согрѣть озябшаго, пріютить обездоленнаго, простить неумному, миловать и не себѣ подобныхъ,—эта любовь кое какъ еще держится и не угасаетъ къ нашимъ дѣтямъ. Ихъ то, дѣтей своихъ, мы любимъ крѣпко, мы готовы для нихъ и унижаться и умереть. Доказательство непреложности любви нашей къ нимъ—совершенно рельефно и продуктивно выливаются въ ихъ воспитаніи.

Но какъ мы будемъ воспитывать, если не знаемъ ни наклонностей, ни задачъ, вложенныхъ для рѣшенія, не знаемъ той жизни, которая написана на лицѣ, рукахъ, на всей „формѣ“ человѣка? Изученіе фязіономіи—имѣетъ первую важность. Повседневная жизнь сталкиваетъ насъ съ людьми, добрыми и злыми, умными и глупыми, честными и лживыми, но рѣдкій изъ насъ, даже съ трудомъ, при совершенномъ желаніи рѣшить—кто передъ нимъ—не въ исплахъ дать отвѣта. Между тѣмъ, наврядъ ли найдется хотя одинъ человѣкъ, который не думалъ бы о своей жизненной карьерѣ?

Кто не задавалъ себѣ вопроса чисто практическаго свойства о томъ—„что мнѣ дѣлать, чтобы достигнуть успѣха въ жизни, чтобы страдать какъ можно меньше, чтобы жизнь свою сдѣлать счастливой и полезной“? Развѣ не встрѣчали мы людей, которые всю жизнь влачили жалкое существованіе неудовлетворенности, озлобленности, двойственности,—тяготились своими случайными обязанностями и только вздыхали, уходили въ себя, зарывали добрыя зерна своей души—и тѣ гибли и для нихъ и для всего человечества?

Василій Мед.

О НОВОМЪ.

I.

Во время одного изъ засѣданій Государственной Думы вышелъ на кафедру депутатъ-трудовикъ и—кажется—по поводу аграрнаго вопроса—сказать, имѣя въ виду правыя партіи:

— Эти господа хотятъ помирить на полумѣрахъ... Не понимаютъ они, что новая жизнь развернулась передъ нами... Но я ихъ понимаю: жутко имъ на границѣ новой жизни и судорожно цѣпляются они за старое...

— Новая жизнь!..—Помню, какъ поразили меня эти простыя два слова... Вѣдь нѣкоторыя выраженія языка нашего такъ примелькались, что слышишь ихъ и не замѣчаешь. Что только не называемъ мы „новымъ“; „новый“ костюмъ, новая пѣсня, „новая“ книга... Говорится привычно, постоянно; ухо привыкаетъ; и когда слышишь, какъ часто приходилось за послѣдніе два года, что и наступающую жизнь называютъ „новой“ то какъ то безъ достаточнаго вниманія къ этому относишься: „новое, такъ новое... Что же такое! Новое мы встрѣчаемъ каждый день“...

Иной же разъ, какъ случилось со мною, во время рѣчи депутата-трудовика, внезапно вспыхиваетъ яркое сознаніе и истертое слово вдругъ становится яркимъ, выпуклымъ, совершенно особымъ, какимъ до сихъ поръ не было.

Со мной, можетъ быть, случилось такъ потому, что упомянутый депутатъ не ограничился однимъ опредѣленіемъ: „новая“ но освѣтилъ его художественнымъ поясненіемъ: „жутко имъ на границѣ новой жизни... Судорожно цѣпляются они за старое“...

Мнѣ хотѣлось бы тоже, читатель, ваше вниманіе остановить на тѣхъ чертахъ современнаго существованія, которыя помогли бы и вамъ понять, что то „новое“, о которомъ я буду писать, есть дѣйствительно нѣчто необычное, никогда не бывавшее ранѣе, такое „новое“, передъ которымъ жутко становится человѣческому сердцу, то „новое“, котораго страшатся души мертвыя и къ которому неудержимо и радостно стремится каждая живая душа...

— Не ломитесь ли вы въ открытую дверь? скажетъ мнѣ иной человѣкъ.—Вѣдь всякому извѣстно, что съ 17-го Октября 1906 года Россія вошла въ новую фазу своего развитія; до того времени она принадлежала къ числу неограниченныхъ монархій, послѣ же 17-го Октября вступила въ число странъ конституціонныхъ. Конечно, это большая для нея перемѣна; жизнь ея пойдетъ по новому—въ этомъ никто не сомнѣвается.

О чемъ же говорить?

Людей такъ рассуждающихъ я особенно имѣлъ въ виду; обдумывая свою работу. Это наиболѣе

опасные для истиннаго прогресса люди. Прогрессу не страшны консервативные элементы страны: они, какъ регуляторъ въ машинѣ, необходимы во всякомъ обществѣ. Ему не опасны и безсознательные: истинный прогрессъ раскрываетъ глаза и безсознательнымъ... Но вотъ тѣ, которые рассуждаютъ по приведенному образцу, тѣ опасны для прогресса: мощная рука толкаетъ ихъ въ длинный корридоръ, имъ говорятъ:—Вотъ дорога, которой идетъ весь міръ; идите и вы...

И они идутъ, рабски подчиняясь толчку, идутъ, не интересуясь даже тѣмъ, что находится за стѣнами ихъ корридора, идутъ потому, что, дѣйствительно, весь міръ идетъ этой дорогой, а за ними,—такъ какъ внѣшность то у нихъ важная, какъ у настоящихъ вождей—за ними, безъ разсужденія, плетется и толпа...

Имъ и въ голову не приходитъ спросить себя:—А, можетъ быть, и весь міръ идетъ невѣрной дорогой? Можетъ быть, вѣрный путь лежитъ поперекъ этого корридора, а не вдоль его?

Такимъ людямъ, конечно, наступающая въ Россіи жизнь кажется обычно новой, какъ новый костюмъ на знакомомъ... Они уже давно привыкли видѣть такую жизнь въ Европѣ, изучили ее, освоились съ нею и поэтому они уже холодны къ перерожденію Россіи. Въ ихъ вниманіи кличъ „новая жизнь“ пройдетъ тускло, незамѣтно, какъ скучный ликъ стертой монеты... Они не вѣрятъ въ новыя по существу формы общественной жизни: они убѣждены, что ничего, кромѣ пресловутаго парламентаризма не создастъ человѣчество...

Они мертвецы для истиннаго прогресса и могильной тоской леденить ихъ холодность живыя души...

Мертвые, слышите ли?

Будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ актъ присвоенія Россіи конституціи по западному образцу какъ одну изъ крупнѣйшихъ ошибокъ въ міровой исторіи.

Онъ укажетъ на то, что, во первыхъ, русскій народъ по совершенно своеобразнымъ условіямъ, въ которыя поставила его судьба (къ этому я еще вернусь неоднократно), вылился и въ формы своеобразныя, вовсе не отвѣчающія западнымъ образцамъ.

Во вторыхъ, онъ отмѣтитъ что въ 1906 году во всей Европѣ—не въ Россіи—не находилось болѣе ни одного сознательнаго человѣка, который, говоря откровенно, призналъ бы парламентаризмъ идеальной формой правленія.

Онъ приведетъ въ примѣръ чудовищныя разоблаченія дѣятельности республиканскихъ парламентскихъ министерствъ, напомнитъ о постоянныхъ столкновеніяхъ парламентовъ между собою и съ верховною властью въ странахъ монархическихъ, обратитъ особое вниманіе хотя бы на спеціально парламентское зло—неминуемое, жестокое

торжество капитала надъ нравственностью и съ недоумѣніемъ воскликнетъ:

— Зачѣмъ понадобилось натаскивать на юный народъ русскій это рваное, грязное платье! Непостижимо!

— Но вѣдь нельзя же было оставлять Россію при прежнемъ режимѣ! скажете вы. Я соглашусь съ вами.

— Что же, кромѣ обычной западной конституціи можно было дать ей? спросите вы. На этотъ вопросъ позвольте отвѣтить нѣсколько далѣе.

Пока напомню вамъ схему событій, предшествующихъ 17 Октября 1905 года. Русскій народъ, числомъ въ сто пятьдесятъ милліоновъ внятно заявилъ, что жить далѣе, какъ прежде, онъ не можетъ.

Въ отвѣтъ на это заявленіе ста пятидесяти милліоновъ человекъ—*одинъ человекъ* (Графъ С. Ю. Витте) взялся составить программу дальнѣйшей жизни русскаго народа.

Каковъ бы ни былъ геній графа С. Ю. Витте, ему крайне трудно—невозможно—было составить что нибудь такое, что отвѣтило бы истиннымъ желаніямъ ста пятидесяти милліоновъ людей. Это ясно.

Русскій народъ высказалъ только, что онъ не можетъ жить далѣе такъ, какъ жилъ раньше, но какъ онъ хочетъ жить далѣе онъ еще не сказалъ...

Кто же можетъ предугадать его стремленія?

Поэтому вопросъ вашъ о томъ, что слѣдуетъ предложить Россіи вмѣсто конституціи долженъ остаться безъ отвѣта...

Въ жуткомъ ожиданіи мы можемъ только вглядываться въ надвигающееся на насъ будущее. Какъ молніи въ темной ночи можемъ отмѣчать мы явленія, намеки на свѣтъ, таящійся за повисшей передъ нами мглою... По этимъ намекамъ попытаемся ли составить и картину грядущаго?

Моя задача собрать то, что я видѣлъ въ этой ночи... Выводовъ я не буду дѣлать...

А. Зенгеръ.

И только?

Съ большимъ нетерпѣніемъ всѣ интересующіе церковной жизнью ожидали выхода въ свѣтъ программной записки о церковной реформѣ.

Въ настоящее время эта записка сдѣлалась общимъ достояніемъ.

Не знаю—удовлетворила ли она или нѣтъ духовенство, но церковное общество встрѣтило ее съ недоумѣніемъ.

Говорится въ запискѣ очень много и о многомъ. Во внутренней церковной жизни что то регулируется, что то старое уничтожается, вводится что то новое, но одного, самаго важнаго, самаго существеннаго—нѣтъ. Это желанія найти границу, на которой общество могло бы сойтись съ церковью.

Нечего скрывать, что день ото дня уже не одна только интеллигенція вседалѣе и далѣе удаляется отъ церкви. Пусть называютъ это „зловреднымъ вліяніемъ“, „заблужденіемъ“, „вольномудствомъ“, „невѣріемъ“ или какими новыми словами; но фактъ есть фактъ и какъ таковой—требуетъ счетовъ.

Что же даетъ записка?

Мы изъ нея видимъ, что высшее управленіе будетъ принадлежать помѣстному собору *епископовъ* съ участіемъ въ немъ съ *совѣщательнымъ* голосомъ клира и мірянъ.

Можетъ это и важно, но въ этомъ ли дѣло?

По прежнему церковь во всѣхъ дѣлахъ подчинена іерархіи и значить священникъ по прежнему долженъ будетъ проводить всякіе взгляды, даже чуждые Божественному ученію. По прежнему священникъ зависить отъ прихожанина, живя его добровольными или недобровольными приношеніями, по прежнему, къ стыду своему, онъ долженъ исполнять полицейскія функціи и прежде чѣмъ служить молебень, панихиду, вѣнчаніе—подозрительно осматривать пришедшаго и первымъ долгомъ спрашивать:

А какъ... любезнѣйшій... бумажка то?..

И не думается, чтобы эта реформа хотя на волосъ подвинула вопросъ *сближенія церкви и общества*. Этотъ важный, жгучій вопросъ какъ то забыли, а занялись внутренними распорядками. Безъ сомнѣнія, это тоже нужно, но не надо ли толковать сперва о душѣ, а потомъ уже о формахъ?

Пусть даже внутренній порядокъ будетъ идеаленъ, всѣ будутъ въ строгомъ и ясномъ подчиненіи другъ другу, судиться и писать нужные отношенія и рапорты, а за дверями храма по прежнему въ недоумѣніи будутъ стоять милліоны и ждать—когда же вмѣсто мертвечины, кости и казенщины въ храмъ Христа раздастся дѣйствительно живое слово, какъ жива и безсмертна великая идея?

Объ этомъ реформа не говоритъ, а потому христіане не вправѣ ли спросить:

И только?

Б. Норшунговъ.

Гасители.

Въ дѣтствѣ, помнится, не было для меня ничего страшнѣе монаха. Не разъ темной ночью просыпался я весь въ холодномъ поту, потому что во мракѣ мнѣ мерещилась зловѣщая фигура монаха. Въ черной монашеской рясѣ чудилось мнѣ, тогда еще ребенку, что-то предательское, отъ чего вѣяло холодомъ могилы, отъ гибкой перетянутой веревкой талии, отъ блѣднаго лица съ рѣдкой растительностью и длинныхъ прямыхъ волосъ—что-то жестокое и малочеловѣческое...

Потомъ это ощущеніе притупилось.

Но теперь я снова переживаю его остро и больно.

Какъ въ туманѣ, дикимъ и нестройнымъ хаосомъ...

сомъ слышатся безумныя рѣчи страшнаго чернаго монаха.

— Несколько не смущаясь, но призывая въ свидѣтели Бога и Христа моего, громко говорю: разбойниковъ нужно вѣшать, газетныхъ еврейскихъ и русскихъ лживыхъ писакъ нужно вѣшать, потому что они строки свои пишутъ народною кровью, надругающихся надъ нашею св. вѣрою нужно вѣшать. Вѣшать, вѣшать и безъ конца вѣшать! И это нужно дѣлать во имя евангельскаго истиннаго человеколюбія...

— Правда, висѣлица—вещь неприятная, ужасная, но зато послѣдствія ея очень благотѣльны для общества...

Если законная власть откажется расправиться со всѣми измѣнниками и предателями родной страны, то тогда самъ народъ проснется и возьметъ на себя роль подвижника-палача...

Такъ говорилъ проповѣдь подвижникъ-монахъ Почаевской лавры о. Пліодоръ.

Эта проповѣдь была напечатана въ свое время въ одномъ изъ номеровъ „Вѣча“.

Когда иной разъ поднимается разговоръ о подобныхъ выступленіяхъ агитационнаго характера, то часто собесѣдникъ усмѣхается:

— Помилуйте, неужели же вы придаете этому серьезное значеніе? Мнѣ кажется, надъ этимъ можно только смѣяться.

Увы, смѣхъ застываетъ на губахъ.

Надо знать, что дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ большихъ и богатыхъ монастырей. Надо знать, что въ этотъ монастырь стекаются тысячныя массы простого народа, самаго забитаго народа изъ сердца Россіи.

Надо представить себѣ, что, призвавъ эти массы стать подвижниками-палачами, проповѣдникъ-изувѣрѣ възываетъ къ нимъ:

— Готовы ли вы быть подвижниками-палачами?

И кто поручится, что изступленная, охмѣлевшая отъ кровавыхъ рѣчей монаха, толпа не отвѣчаетъ:

— Готовы, готовы!

Когда я мысленно представляю себѣ этотъ моментъ, мнѣ всегда грезится его продолженіе.

Мнѣ всегда кажется, что среди этой массы вдругъ раздастся одинокій голосъ:

— Господи, слышишь ли Ты?

И тогда внезапно толпа найдетъ себѣ исходъ. Человѣкъ, призвавшій въ помощь и свидѣтели Бога, будетъ ею смятъ, раздавленъ и превращенъ въ ничто.

А надъ толпой будетъ стоять призракъ черной фигуры монаха съ благословляющей рукой и шепчущими блѣдными губами: „Во имя Отца... Во имя Сына...“

То, что я рассказалъ выше, это только самый рѣзкій и грубый примѣръ изъ области палачества Именемъ Христа...

Господствующая церковь стала и карающей.

Она переживаетъ теперь острый кризисъ. Какъ нѣкогда бѣснованіе инквизиціи сдѣлало безнадежнымъ католицизмъ, убивъ живой и бющійся первъ ученія Христа и замѣнивъ его мертвой формулой, такъ нынѣ черныя монахи—мрачныя символы церкви—куда приведетъ ее?

Военно-полевые (по быстротѣ судопроизводства) церковные суды надъ бывшими членами Государственной Думы, священниками Афанасьевымъ и Огневымъ? А указъ о заточеніи въ Задонскій монастырь архимандрита Михаила только за то, что онъ, оправдываясь отъ упрека въ принадлежности къ реакціи, высказалъ публично свои личныя убѣжденія?

Все это дѣйствія чисто карательнаго свойства и притомъ явно идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ высокимъ ученіемъ любви и всепрощенія, на которомъ зиждется христіанская церковь.

И причины такой дѣятельности церкви лежатъ совсѣмъ не въ общемъ положеніи вещей въ Россіи, а въ самомъ состояніи православной церкви искони, по существу.

Церковь въ сердцахъ нашихъ не Христова церковь, потому что она перестала быть мѣриломъ истины, потому что она стала орудіемъ силы, потому что формы ея отжили и омертвѣли.

Церковь падаетъ, потому что во главѣ ея стоитъ монашество, отошедшее отъ жизни, презирающее жизнь.

Церковь падаетъ, но та идея, изъ которой выросла церковь не падаетъ и не умираетъ, ибо она безсмертна.

Идея Христа всеобъемлюща, безконечна и живетъ въ каждомъ сердцѣ, пока живутъ люди.

И чѣмъ ужаснѣе дѣйствительность, чѣмъ безотраднѣе грядущее, тѣмъ ярче и ярче проявляется Христова идея въ жизни. Но идею эту необходимо вложить въ новыя формы, надо создать новую церковь.

Церковь независимую отъ произвольныхъ и измѣнчивыхъ вѣяній и настроеній минуты.

Церковь—тѣло Христово, какъ это понималъ и сказалъ Самъ Христосъ.

Нужны не церковныя реформы, какъ это предполагается будущимъ соборомъ, заплаты на старомъ рубищѣ, а одна великая реформа, въ направленіи не отъ верховъ къ низамъ, а наоборотъ.

Необходимо воссозданіе христіанской общины, конечно въ формахъ, соответствующихъ времени.

Лишь тогда мрачныя тѣни монаховъ, несущихъ съ собою смерть и могильную тьму, витающихъ нынѣ надъ православною церковью, отойдутъ со стономъ отъ свѣтлаго образа тѣла Христова.

Лишь тогда новая церковь будетъ освобождена отъ гасителей свѣта Христова ученія, оо. Иліодоровъ, Восторговъ и т. д. и исполнитъ свою настоящую миссію нести въ жизнь ученіе Христа, какъ политику сердца.

Андрей Горбатовъ

Мелочи архіерейской жизни.

Совершенно неожиданно для себя съ огромнымъ интересомъ проглотилъ двѣ книжки „Русск. Архива“.

Такъ непривычно встрѣтить въ этомъ журналѣ что-нибудь интересное, что обыкновенно, особенно въ послѣднее время, если и разрѣзаешь его, то больше по привычкѣ и для очистки совѣсти.

На этотъ разъ привычка эта, однако, себя оправдала.

Съ первыхъ же страницъ я наткнулся на прелюбопытную повѣсть одного изъ нашихъ „великихъ инквизиторовъ“ о самихъ себѣ. Это — записка архіепископа одесскаго Никанора. Даже странно видѣть весь этотъ матеріалъ, почти злободневный, подъ заплащеннѣлой обложкой московскаго археологическаго журнала.

— Ба, — удивляетесь вы на каждой страницѣ, — да вѣдь это Побѣдоносцевъ, Саблеръ, Аничковъ, Рахмановъ, — знакомые все лица, здравствующія и дѣйствующія до сихъ поръ.

Читая журналъ вы чувствуете, что какъ будто бы васъ ввели за кулисы и показываютъ одного за другимъ тѣхъ дѣятелей, которые все же были до сего времени укутаны изрядной долей дымки и тайны. Страница за страницей — и вы уже въ самомъ святыи святыхъ нашей „право правящей“ церкви, нашей великой инквизиціи.

— „Но, — спроситъ читатель, — причѣмъ же здѣсь инквизиторы и къ тому же еще великіе“.

А почему — тому слѣдуютъ пункты. Во первыхъ инквизиторами я называю нашихъ право правящихъ потому, что намъ, обывателямъ, они причинили не мало таки мученій своими поочтительными экспериментами. Прямѣровъ, полагаю, не пужно. А во вторыхъ, мнѣ припомнился великій инквизиторъ Достоевскаго, выступившій противъ Христа и откровенно заявившій, что онъ въ числѣ прочихъ служителей церкви изъ любви къ слабымъ людямъ, для которыхъ евангельскіе подвиги непосильны, взялъ на себя неправленіе христіанскаго ученія и служенію слабому человечеству. Наши великіе инквизиторы, какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ на словахъ, преслѣдуютъ эти же цѣли. Не думая о себѣ, и это до такой степени, что совершенно уходятъ отъ міра, скрываются въ пустыни, они, однако, видятъ въ каретахъ, (не сиуская, впрочемъ, шторъ), они притворяются, будто помышляютъ только о томъ, какъ уголитъ Богу и спасти слабую, погрязающую въ сквернахъ обильныхъ, вѣтренную имъ паству...

Лѣсковъ въ свое время разсказалъ цѣлый рядъ мелочей изъ жизни нашихъ великихъ инквизиторовъ... Но это былъ Лѣсковъ, человекъ все же свѣтскій. Во всякомъ случаѣ, самъ онъ архіереемъ никогда не былъ, и что думаютъ архіереи, когда имъ не спится, могъ знать только по догадкѣ. За то, вѣроятно, и запретили его книжку, чтобы не догадывался о томъ, чего ему знать не полагается.

Записокъ сп. Никанора запретить нельзя. Почтен-

ный архипастыръ при томъ же къ свободомыслию совершенно не причастный. Я помню, какъ въ свое время онъ громилъ Льва Толстого съ церковной кафедры одесскаго собора. Въ выраженіяхъ, можно сказать, не стѣснялся.

Нашимъ истинно-русскимъ людямъ у него есть чему поучиться, а ужъ чего же кажется...

Читая эти обличенія неистоваго и бурнопламеннаго іерарха, омолодившагося на защиту чистоты христіанскаго вѣроученія отъ покушеній на нее нашего іересіарха, хотя и никого не могли убѣдить по существу (слишкомъ ужъ были одобренны крѣпкимъ словомъ), но все же производили впечатлѣнія смѣлаго, убѣжденнаго обличенія: Какъ ни какъ, думалось, говоритъ человекъ, отрешійся отъ міра, давшій цѣлый рядъ обѣтовъ...

И вотъ передъ нами кулисы внутренней, дѣйствительной жизни этого считавшагося еще выдающимся епископомъ, кулисы, куда онъ вводитъ насъ самъ.

Его записки — поразительный образецъ пошлости. Ничего сколько нибудь хорошаго, свѣтлаго, идеальнаго. Вы чувствуете себя все время не въ кельѣ идеалиста-монаха, молящагося о мирѣ всего міра, а въ затхлой атмосферѣ какой-то лакейской. Самъ авторъ и окружающіе его представляются такими ничтожествами, отъ которыхъ дѣйствительный великій инквизиторъ отвернулся бы съ отвращеніемъ. Лестъ, угодность, тщеславіе, нетерпимость, мелочность — все это смѣшивается здѣсь въ одно и производитъ впечатлѣніе гадливости.

Вотъ, на примѣръ, какъ монахъ-епископъ Никаноръ мечталъ и добивался звѣзды Александра Невскаго.

— Былъ, — разсказываетъ Никаноръ, — одинъ замѣчательный разговоръ съ нашимъ другомъ, Ил. Ал — чемъ, на ту же и на соприкосновенную тему, вѣроятно, около Пасхи или на самую Пасху. Онъ оказывался недоволенъ отношеніемъ ко мнѣ высшей воли. „Помилуйте, нечѣсть какая. Даже Александра не дали“. Я говорю: „Ну, ну, Богъ съ нами“. А надо сказать, я зналъ уже давно, что Александра и въ этомъ году мнѣ не дадутъ; зналъ потому, что В. К. (Саблеръ), ни однимъ намекомъ не касаясь меня лично, сообщалъ подробности совѣщаній касательно предполагаемыхъ наградъ другимъ лицамъ. „Очень-де радъ, что удалось всхлопотать Александра нашему преосвященнѣйшему Герману. Я очень чту этого старичка. А К. П. (Побѣдоносцевъ) уперся вотъ и ни съ мѣста: „На что ему, да на что ему... Ну, теперь въ отставку. На что ему“... Ну, теперь вотъ поддался К. П. Дать кому либо крупный орденъ — все равно что ему самому отсѣчь руку“. На мое: „Богъ съ ними“ Иларіонъ А — чъ возвращаетъ: „Нѣтъ, не Богъ съ ними. Кого изъ архіереевъ изъ Петербурга отпускали ни съ чѣмъ. И странную причину придумали. Ихъ де троицъ назначили вмѣстѣ архіепископами, т. е. васъ, Алексія и Амвросія“.

А вотъ сценка изъ пребыванія въ Вильнѣ, куда еп. Никаноръ вмѣстѣ съ другими отправился праздновать историческій день — юбилей воссоединенія униатовъ.

— Когда я, — читаемъ въ дневникѣ — въ началѣ литургіи вышелъ изъ алтаря кадить церковь, то протоіаконовъ толкуетъ мнѣ: „теперь генералитету“. Я не сразу понялъ, чего отъ меня хотятъ. Это нововведеніе многомудраго литовскаго архипастыря, которое дѣлаетъ его столь пріятнымъ и желательнымъ „генералитету“. По оказаніи иконъ у него принято кадить не клиросамъ, даже не близъ стоящему направо и налево народу, а почти по прямой линіи, на середину церкви (тамъ у нихъ становится генералитетъ), въ глубинѣ церкви стоящему генералитету, потомъ на клиросы, а далѣе по уставу. Понявъ протоіакона, наконецъ, говорю: „У насъ и нигдѣ такъ не принято. Тѣмъ не менѣе, да не соблазнимъ ихъ, сталъ курить фиміамъ передъ генералитетомъ, а далѣе кадилъ по уставу. Еще нововведеніе многомудраго литовскаго: онъ почти каждому изъ предстоящихъ замѣтному лицу подноситъ просфоры. Смотрю, самъ онъ во время Херувимской вынимаетъ по частицѣ изъ множества просфоръ. Если сказать, что ихъ было до 50, то это не будетъ преувеличеніемъ. Я и дерзнулъ спросить: „Кого вы его поминаете“. — „А помани Господи раба Твоего, вообще, кому достанется“. Я подивился. Что же. Не богопротивно. Обязаны же мы молиться за всѣхъ и каждого. Почему же не молиться и такъ: „Помани, Господи, раба Твоего Х., его же Ты, Господи, вѣси.. Помани, Господи, раба Твоего Y., его же Ты, Господи, вѣси, кому достанется... Помани, Господи, раба Твоего N.. его же Ты, Господи, вѣси, кому сія просфора будетъ поднесена, въ благоугожденіе его милости“.

Хорошо это, „тѣмъ не менѣе сталъ курить генералитету“... И въ концѣ концовъ совершенно откровенное, до цинизма откровенное объясненіе внутреннихъ причинъ, въ силу которыхъ онъ, арх. Никаноръ, да и другіе епископы должны „ухитряться“.

Вотъ, напримѣръ, какъ монахъ-епископъ Никаноръ мечталъ всяческимъ способомъ лавировать среди подводныхъ камней свѣтской жизни, изъ которой они никакъ не могутъ выбраться.

„Да, — пишетъ еп. Никаноръ, — все это дрязги: но онѣ жизнь — онѣ жизненное дѣло, онѣ даютъ намъ положеніе и хлѣбъ. Кинуть ихъ никакъ нельзя, чтобъ устремиться за болѣе благородными занятіями. Известный поэтъ Кольцовъ повѣсилъ отъ голода и униженія; ему никто даже бумаги не хотѣлъ дать на переписку. Успенскій, писатель, зарѣзался отъ голода и нищеты. Достоевскій страдалъ также отъ нищеты со всею семьей, вынужденъ былъ попросить у литературнаго фонда и потерпѣлъ отказъ. А намъ консисторскіе дрязги даютъ хорошую квартиру, карету съ четверкою лошадей и бархатную рясу. Вонъ пресвященнѣйшаго Палладія Волынскаго запрятали въ келью Почаевской обители съ окладомъ 1500 р. въ годъ, да и ту пенсію (Германъ опасается) Выш—скій затруднить и сократить“.

Вѣрно... Примѣръ съ еп. Палладіемъ очень наглядный, и потому-то всѣ архіереи, служители Бога Вышняго, отрекшіеся отъ міра, такъ заискивающе относятся къ свѣтскимъ чиновникамъ въ видѣ мун-

дирахъ, управляющимъ православною церковью и ея іерархами. И какъ въ сущности не трудно ими управлять. У одного отнять карету и бархатную рясу, другому дать звѣзду, остальные уже побѣгутъ „куда прикажете“ и сдѣлаютъ, что „изволите“... Съ любопытной наивностью рассказываетъ арх. Никаноръ, какъ онъ чуть было не попалъ въ списокъ опасныхъ и какъ онъ снялъ съ себя подозрѣнія, пріѣхавъ въ Петербургъ.

— Сколько лѣтъ, — радуется еп. Никаноръ, — тяготѣли на мнѣ петербургскія недоразумѣнія, и тяготили меня такъ, что чуть-чуть не вогнали меня, сказаъ какъ бы такъ, въ архимандрита Феодора. Этотъ предметъ я въ первый разъ называю по имени. А теперь посмотрѣли на меня по близости и увидѣли, что не такъ страшенъ ч... какъ его малюютъ добрые люди, въ видѣ тайной полиціи.

Охъ, ужъ эта тайная полиція... Оказывается, даже архіереямъ отъ нея житья нѣтъ. И нужно сказать, что еп. Никаноръ себя реабилитировалъ совершенно. Онъ въ еретики произвелъ не только Льва Толстого, но даже... кіевскаго митрополита Платона. Еретической онъ нашелъ его проповѣдь въ Вильнѣ.

„Въ соборѣ, — пишетъ онъ, — стоялъ гулъ, какъ на базарѣ. Тѣмъ не менѣе изъ „генералитета“ кое-кто кое-что слышалъ. Правда, проповѣдь роздана была прежде произнесенія въ печатныхъ брошюрахъ. Генералитетъ могъ и прочитать. И въ послѣдствіи сильно хвалили: „Сколько де любви“... И я, не слышавъ ни слова, тутъ же въ алтарѣ прочиталъ ее и нахожу ее не болѣе не менѣе, какъ, уви — еретическою... Да... Она написана на тему, любимую старцемъ, что де, „водвигаемыя между собою разными церквами перегородки не доходятъ до неба“, что „всѣ вѣры хороши, наша лучше, но и другія не дурны и Богу не противны, и спасеніе доставить человѣку могутъ“.

Единственно относительно чего арх. Никаноръ позволилъ себѣ возразить, и то какъ-то неувѣренно, неудовольствіе — это по поводу декольтѣ... Ему пришлось быть на бракосочетаніи вел. кн. Павла Александровича и потомъ удостоиться чести приглашенія во дворецъ.

„Ко мнѣ, — рассказываетъ потуги взоры еп. Никаноръ, — подходили министръ народнаго просвѣщенія во Владимірской лентѣ, Т. И. Ф — въ въ лентѣ Спасителя, И. А. Чистовичъ съ Бѣлымъ Орльмъ и пѣкаторья дамы: П. П. С — на; М. Л — на, м-мъ В — т. Первая даже сѣла подлѣ меня и вступила въ довольно лукавый разговоръ. А мнѣ просто совѣстно было отвѣчать ей и паять на нее глаза. Грудь ея была, какъ и у всѣхъ барынь, совершенно открыта. Марія Львовна, та хоть суптильна и изящна, та хоть не садилась около меня и за то спасибо. Это полуобнаженіе неудобно и для моего стариковскаго вкуса совсѣмъ некрасиво, непривлекательно и даже стѣснительно. Придворные вкусы, привычки и правила съ цѣлью и расчетомъ, чтобъ у всякой придворной дамы удобно было разсмотрѣть хотя одну грудь, красива ли, заманчива ли, — старинный придворный развратъ. Я хоть и не врагъ, хоть и цѣнитель красоты, но пренедево,

стыдно собесѣдницѣ въ глаза глядѣть, собесѣдницѣ, когда у нея и у зрителя передъ глазами вздымаются цѣлыя горы.

Но ничего: монахъ претерпѣлъ... тѣмъ болѣе, что онъ — „не врагъ красоты“...

Все это я извлекаю изъ „Русскаго Архива“, но, напоминая, что дѣйствіе происходило всего только какихъ-нибудь 10 — 15 лѣтъ тому назадъ, а многіе изъ дѣйствующихъ лицъ продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и по настоящее время.

Увы, они не сданы еще въ архивъ. Наоборотъ, въ острый періодъ нашего освободительнаго движенія все русское общество сочло своимъ гражданскимъ долгомъ высказать свое мнѣніе, одни „великіе инквизиторы“ хранили упорное молчаніе. Задавивъ все, что было свѣжаго въ средѣ духовенства, часть котораго не могла же оставаться безмолвной свидѣтельницей всего происходящаго, они временно рѣшили притаяться. Изъ Синода посыпался рядъ циркуляровъ о томъ, что духовенство, неимѣющее права принимать участія въ политическомъ движеніи, должно воздерживаться отъ всякой активной роли и только молиться. Но вотъ кризисъ прошелъ. Наступила реакція и „великіе инквизиторы“ опять, забывъ свои циркуляры, вышли на арену.

Какъ въ былое время въ Евангеліи нашлось оправданіе для сохраненія крѣпостнаго права, такъ теперь тѣмъ же Евангеліемъ доказывается полная справедливость смертной казни. Епископы потребовали крови. Архимандритъ Илларионъ сталъ яростно требовать висѣлицъ, забывъ о невозможности іерархамъ принимать участіе въ политикѣ, всѣ они, за малыми исключеніями, стали активными вождями черносотеннаго движенія и довели его до такой стадіи развитія, что даже нововременцы называютъ ихъ революціонерами.

— Безпокойно, оно точно, записываетъ въ свой дневникъ какой-нибудь изъ современныхъ Никаноровъ, — но за то мы имѣемъ хорошую квартиру, карету съ четверкой лошадей и бархатную рясу...

А въ перспективѣ уже видѣются—звѣзды, бриллиантовые кресты на клобукѣ, драгоценныя паняги, почести... Константинъ Петровичъ вѣдь бдитъ... Объ этомъ „старцы“ не забываютъ и теперь уже твердо вѣрують въ то, что „безмятежное и мирное житіе“, которое было нарушено „жидами“ и всякаго рода „крамольниками“ вернется... И пойдетъ все по старому, по хорошему. Самъ того не подозрѣвая, епископъ Никаноръ вывелъ этихъ „мечтателей“ на чистую воду. Въ Святѣйшемъ Синодѣ едва ли одобрятъ появленіе его записокъ.

Вл. Боцяновскій.

Въ далекомъ углу.

Въ тайгѣ ночь наступаетъ быстро. Садится солнце, красное, туманное и на небѣ уже зажигаются дрожащія крупныя звѣзды. Больше и больше становится ихъ,

пока все небо, черное, безконечное, глубокое, не залетаетъ ихъ золотомъ.

Николаевъ и Павлычъ, студенты-лѣсники, сосланные каждый на пять лѣтъ, спѣшно кончали работу. Оба они послѣ года ссылки получили мѣста въ переселенческомъ управленіи по таксаціи лѣса и нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ и теперь упивались работой, чтобы заглушить тоску по дому.

— Ну-съ пошли, Павлычъ, — крикнулъ Николаевъ товарищу.

Павлычъ молча завожился съ инструментомъ, сложилъ все аккуратно, и они двинулись. Худой, высокій, съ длинной закинутой бородой и въ мохнатой шапкѣ, онъ былъ похожъ на лѣсовика.

Лыжи съ легкимъ скрипомъ скользили по глубокому снѣгу. Кругомъ стояла поразительная тишина, и Павлычъ ясно слышалъ, какъ дышетъ шедшій за нимъ Николаевъ. Изрѣдка только раздастся рѣзкій трескъ и гдѣ-нибудь отъ мороза упадетъ сукъ, точно его срубилъ кто-то невидимый гигантскимъ ударомъ. И снова все замолкнетъ.

Запахло дымомъ. Подъ большимъ, наполовину свалившимся деревомъ, былъ устроенъ шалапъ, гдѣ они оба жили на съемкѣ. Около шалаша копошился старикъ, ихъ постоянный спутникъ въ тайгѣ—Архипычъ, переселенецъ или, какъ тамъ ихъ называли—„самоходъ“.

— Готовъ ужинъ, Архипычъ?! — крикнулъ еще издали хриплымъ голосомъ Николаевъ. Свой звонкій и чистый голосъ, которымъ такъ многіе любовались въ хорѣ, онъ потерялъ навсегда въ тюрьмѣ.

— Готовъ, — отвѣтилъ Архипычъ и засмѣялся. — А что, панички, вѣдь сегодня Рождество... Новый Годъ...

— Ва! — хлопнулъ себя по лбу Павлычъ. — А я и забылъ.

Николаевъ улыбнулся печальной улыбкой.

— Архипычъ, достань-ка братъ, водки, надо какъ слѣдуетъ справить, — хлопоталъ Павлычъ.

Костеръ трещалъ и брызгалъ искрами. Неровныя пятна свѣта бѣгали по снѣгу и то тамъ, то тутъ выглядывали красные стволы и сучья, казавшіеся странными притаившимися во тьмѣ чудовищами.

Архипычъ вынесъ изъ шалаша бабляжку, погрѣлъ ее немного надъ костромъ, и всѣ поочереди выпили. Водка, какъ огонь, побѣжала по жиламъ и ударила въ головы. И вдругъ стало тепло, и такъ мучительно сжалось сердце по ласкѣ, по дому.

— Эхъ, кабы чистую скатерть теперь, — вслухъ мечталъ Николаевъ.

— А не хочешь ли кусокъ щей, — засмѣялся Павлычъ, рубя замершія щи и бросая кусокъ въ котелъ.

— Ну и страна! Все перемѣшалось здѣсь. Люди живутъ какъ звѣри, а звѣри не боятся людей. Ты знаешь, вчера медвѣдь бабу оплевалъ!

— Онъ всегда такъ, — подтвердилъ Архипычъ.

— Какъ оплевалъ? — удивился Павлычъ.

— Да такъ. Встрѣтила баба за околицей медвѣдя. А у нихъ здѣсь обычай. Какъ увидитъ, не бѣжитъ, а остановится и кричитъ во весь голосъ.

Медвѣдь тоже становится передъ ней, реветъ и плюетъ на нее, но не трогаетъ.

— Щекотки боится, — ухмыльнулся Архипычъ. — Енъ страсть щекотки сзади боится, оттого и стоитъ.

— И такъ кричатъ они другъ на друга часа два. Баба и голосъ потеряетъ. Потомъ медвѣдь падаетъ на спину, а баба бѣжитъ.

— Чудеса! — расхохотался Павлычъ. — Но врать Николаевъ, старина? — обратился онъ къ Архипычу.

— Чего врать, правду рассказываетъ, — отвѣтилъ Архипычъ и съ большой выразительностью покосился на водку.

— Баба вся оплеванная пришла, — началъ Николаевъ и вдругъ замолчалъ. — А помнишь, — сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ, — какъ Нина на елкѣ хорошо пѣла два года тому назадъ?

— Павлычъ испуганно взглянулъ на него и коротко отвѣтилъ:

— Брось!

А въ ухахъ уже звучалъ чистый, мягкій, ласкающий голосъ и Павлычъ видѣлъ теплую комнату, свѣтлую, нарядную.

Потомъ вдругъ примѣшались звуки граммофона, хриплые, шипящія, и онъ вспомнилъ, какое удовольствіе онъ доставилъ имъ въ прошломъ году въ одномъ большомъ селѣ, и такъ же Николаевъ вспоминалъ Нину и искалъ намека на ея голосъ въ хрипотѣ инструмента.

И такъ дальше, все ниже, все ниже, все глубже и дальше въ тайгу.

Какая то большая птица съ шумомъ пролетѣла низко надъ костромъ и скрылась во тьмѣ.

Павлычъ закинулъ голову и сталъ смотреть на черное, глубокое небо. Ласково мигали звѣзды, голубья, дрожащія, какъ слезы, и сквозь вѣтви деревьевъ онѣ казались еще ярче и крупнѣе.

— Точно елка горитъ, — сказалъ Николаевъ.

— Эти звѣзды горѣли и тогда, когда Онъ родился, — задумчиво прошепталъ Павлычъ и всталъ. — Была навѣрное теплая, южная ночь и волхвы шли, шли, а небо горѣло и переливалось надъ ними тысячами звѣздъ, а одна крупная смеркала впереди...

— Семнадцать медвѣдой я на своемъ вѣку убилъ, паничи, вотъ что, — вдругъ сказалъ Архипычъ и слова глотнулъ изъ баклаги.

Никто ему не отвѣтилъ.

— Почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ на другомъ краю земного шара люди шли встрѣчать рожденіе Великой Идеи, и вотъ теперь мы встрѣчаемъ ее снова и снова, гдѣ бы мы ни были. Она живетъ, какъ живутъ эти звѣзды. Онѣ вѣдь видѣли тогда все, Николаевъ...

Павлычъ нервно заходилъ взадъ и впередъ около костра. Костеръ потухалъ. Неровные язычки быстро бѣгали по синѣющимъ уголькамъ и тѣнь Павлыча, длинная, узкая, странно качалась на бѣломъ снѣгу.

— Великая идея равенства живетъ, и неужели отъ того, что мы и еще тысячи проживемъ въ этой тайгѣ десятки лѣтъ, она погибнетъ?! Вадорь!..

Онъ остановился и взглянулъ на Николаева. Тотъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и о чемъ-то думалъ. Архипычъ выпилъ еще водки и полѣзъ въ шалашъ, ворча нохая.

Снова была мертвая тишина и только гдѣ-то вдали морозъ торопливо стучалъ по стволамъ.

— Какъ она пѣла, — тихо, со стономъ, шепталъ Николаевъ. — Точно вчера... Милая, гдѣ ты!.. Нигусь... Глухія, сдержанные рыданія чуть слышно звучали въ воздухѣ. Павлычъ остановился, подошелъ къ Николаеву, тронулъ его за плечо и хотѣлъ что-то сказать, но почувствовалъ, что сейчасъ расплачется самъ.

Онъ быстро взялъ флягу, хлебнулъ изъ нея и естественно высокимъ голосомъ крикнулъ:

— Николаевъ, брось! Ну, пожалуйста. Вотъ выпей лучше.

Николаевъ выпилъ водки; зубы его стучали о край баклажки.

— Вотъ такъ, все пройдетъ, — одобрялъ его Павлычъ и, чтобы не выдать себя, повернулся къ нему и крикнулъ громко и протяжно:

— Христосъ родился!! Идетъ великая свобода!! Съ Новымъ Годомъ!

Голосъ его ясно и сухо прозвучалъ въ воздухѣ, и еще рѣзче выдѣлилась мертвая тишь.

Молчалъ старый лѣсъ, молчали звѣзды, крупныя, дрожащія, какъ капли золотой росы на вѣтвяхъ деревьевъ, молчалъ притихшій Николаевъ...

Въ тайгѣ нѣтъ отклика.

Б. Гейеръ.

Одинъ человекъ.

Что можетъ сдѣлать одинъ человекъ?

Ничего не можетъ сдѣлать.

Такъ ли?

Не вѣрнѣ ли сказать, что нельзя ничего сдѣлать тогда, когда нѣтъ и одного человека.

Одинъ человекъ, одно искреннее сердце, беззаветно отдавшееся идеѣ, готовое принести себя на алтарь служенія другимъ, не думающее уже о себѣ больше — потому что думы о всѣхъ наполняютъ его и оно живетъ только этимъ — уже не будетъ одинъ человекъ.

Если есть одинъ — есть много.

Былъ одинъ вѣрный, честный дѣятель на нивѣ гонимаго и до нынѣ единовѣрія, онъ своею мужественною стойкостью явилъ удивительный и привлекшій многихъ примѣръ — и сотни тысячъ уже стоятъ за его спиной и стоятъ молчаливо, сурово, какъ бы являя собою несокрушимую рать, готовую сдѣлать въ каждый нужный моментъ шагъ впередъ...

И побѣда принадлежитъ тому, кто первый, безстрашный предъ зломъ и низостью, сильный своею твердостью, своею *прямою* жизнью — къ истинной цѣли повелъ за собою рать...

Назвать имя этого „одного“ человека? Нужно ли его называть, когда оно извѣстно всѣмъ, кто стойко идетъ за нимъ, не смущаясь болѣе привидѣніями, пугалами и прочей мерзостью, что такъ щедро расточаетъ врагъ всякаго живого духа и слова, всякой живой идеи и стремящагося къ любви сердца?

Мы знаемъ это имя — и они знаютъ это имя.

Малая разница.

Они готовы забыть это ненавистное имя, непокорное лести и не желающее поклоняться мишурѣ и пустотѣ, въ которой родились и живут сыны прошлаго вѣка и слуги нашего вѣка.

А мы не можемъ забыть этого имени, блистающаго въ сердцахъ нашихъ, какъ не можемъ задуть свѣчи въ темнотѣ, ибо будемъ безъ свѣта.

И чѣмъ такъ ненавистно для нихъ это скромное имя рядоваго священника? Величіемъ той идеи, которой онъ несетъ свою жизнь, идеи поднять на заслуженную высоту единовѣріе, которое душили и старались заживо разодрать и подѣлать между собою? За которое и сейчасъ ухватились своими старыми, гнилыми зубами разные „миссіонеры“, „учители“, „писатели“, да такъ называемые „профессора“ ивановской, айвазовской мракосѣющей и прочее, прочее школь? Гдѣ плоды ваши? Гдѣ необозримыя тысячи учениковъ, благоговѣющихъ предъ вами? Гдѣ ваши великія мысли о смыслѣ и цѣли жизни, которую вы силитесь взять въ свои невѣжественныя руки? И какую науку преподавали вы? Науку вѣсть человѣка человекомъ, науку разрушать и разрушать все, что чуточку бѣлѣе вашихъ черныхъ страницъ, изъ которыхъ вы льете міру не христіанство, нѣтъ, а какую-то дикую и бессмысленную вражду всѣхъ противъ всѣхъ?

Христіане вы?

Что въ васъ, что отличаетъ христіанина отъ нехристіанина?

Миръ? Любовь? Отданье себя ближнимъ, какъ заповѣдывалъ Христосъ?

Или ваши успѣхи—кулачное право—есть послѣдній актъ ничтожной драмы цѣлой вашей жизни?

Радуйтесь.

А дальше?

Дальше широкія ворота, куда свободно входитъ можетъ каждый. *Веселые* люди ждутъ еще, потираютъ руки, подпрыгиваютъ отъ удовольствія видѣть своихъ добрыхъ слугъ и глашатаевъ...

А узкія ворота?

Стоитъ ли? И длиненъ путь, и въ гору, и камни острее..

Зерно брошено. Добрая, благожелательная рука открылась...

Взошла нива.

Единовѣріе и вся старообрядческая семья ждутъ...

Не одинъ человѣкъ, какъ ранѣе, нѣтъ, а миллионы.

Единовѣріе ждетъ послѣдней ставки, которую положили расточители „милосердія“, „справедливости“, „репрессій“, „правилъ“ и „пресѣченій“. Ставка положена послѣдняя—быть или не быть? Натянуть еще или... лопнетъ?

Но единовѣріе ставокъ не дѣлало—оно потратило за сотню лѣтъ столько „любви“, „вѣры“, „надежды“, столько пролило слезъ, столько схоронило свѣтлыхъ именъ въ глубинахъ своихъ, что ничего не можетъ дать больше.

Единственно, что еще есть у него, это „долготерпѣніе“.

Но это на ставку не кладутъ—сосудъ съ тонкими стѣнками.

Этотъ сосудъ можетъ взять въ руки *избранный* *всей церковью* и отъ нея получившій благодать.

И день этотъ уже начинается...

Кто зажегъ первый лучъ дня?

Сердце честное, искреннее, незлобивое, но суровое, сильное и идущее впередъ съ Именемъ Христа и вѣрою въ Его правду.

— „Нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему, яко видяста очи моя спасенье...“

Вас. Чехъ.

Изъ Александра Степановича Пругавина *).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года изъ Суздальской монастырской тюрьмы былъ освобожденъ архангельскій уроженецъ Василій Осиповичъ Раховъ, просидѣвшій въ одиночномъ заключеніи монастырскаго каземата цѣлыя восемь лѣтъ.

Биографическія данныя о г. Раховѣ, а также свѣдѣнія объ его благотворительной и просвѣтительной дѣятельности, которая, собственно говоря, и привела его въ Суздальскую тюрьму, мы находимъ въ письмѣ изъ Архангельска, напечатанномъ въ газетѣ „Недѣля“ за 1893 годъ.

„Лѣтъ десять тому назадъ,—сообщалось въ этомъ письмѣ,—въ одной изъ торговыхъ конторъ богатой немѣцкой фирмы въ Архангельскѣ состоялъ на службѣ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, нѣкто В. Раховъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, на прекрасномъ счету у своихъ принципаловъ, онъ былъ уже, такъ сказать, на порогѣ блестящей житейской карьеры, какъ вдругъ къ ужасу родныхъ и немалому изумленію знакомыхъ, бросилъ и службу и общество, въ которомъ вращался, и куда-то исчезъ. Спустя нѣкоторое время, мы застаемъ его уже въ глухой деревушкѣ Пинежскаго уѣзда. Тамъ, переходя изъ избы въ избу, онъ усердно обучаетъ грамотѣ и закону Божію деревенскихъ ребятишекъ, дѣломъ и совѣтомъ помогаетъ взрослымъ, а по вечерамъ и въ праздники читаетъ имъ книжки религіозно-нравственнаго содержанія. Въ то же время онъ вступаетъ въ дѣятельную борьбу съ грубостью, пьянствомъ и другими недостатками мужаика, успѣшно будитъ его совѣсть, и крестьяне нравственно оживаютъ. Раховъ является желаннымъ гостемъ въ каждой избѣ: онъ и учитель, и миротворецъ, и помощникъ. Мужики перестаютъ пить; бабы, натерпѣвшіяся отъ пьяныхъ мужей, благодарятъ Провидѣніе за то, что оно послало имъ такого человѣка, черезъ котораго они увидѣли свѣтъ.“

„Долго ли продолжалась бы эта просвѣтительная дѣятельность Рахова—неизвѣстно, но только, по доносу *мьстнаго священника*, которому онъ по-

*) Монастырскія тюрьмы.

казался подозрительнымъ, ему было воспрещено оставаться въ деревнѣ,—и Раховъ уѣхалъ въ Архангельскъ. Это было весной. Проживъ нѣсколько дней дома, Раховъ снова кута-то исчезъ, и теперь уже надолго.

„Проходить болѣе двухъ лѣтъ, пока онъ вновь появляется на родинѣ. Оказывается, что за это время онъ пѣшкомъ обошелъ весь русскій югъ, побывалъ на Афонѣ, пробрался къ Палестинѣ“¹⁾.

Наконецъ, онъ попадаетъ въ Одессу. Здѣсь, по своему обыкновению, онъ поселяется на одной изъ окраинъ города и входитъ въ соприкосновеніе съ населеніемъ ея, состоящимъ изъ рабочихъ, босяковъ и нищихъ. Онъ приходитъ въ ужасъ отъ той страшной и безысходной нужды, среди которой живутъ всѣ эти люди. Онъ рѣшаетъ заявить объ этомъ богатому одесскому обществу, чтобы вызвать съ его стороны участіе и помощь этой вопіющей нуждѣ. Но какъ это сдѣлать.

Каждый день, каждый вечеръ богатые, состоятельные люди собираются въ театрѣ, и вотъ, не долго думая, Раховъ идетъ въ театръ и занимаетъ мѣсто въ партерѣ. Публики, дѣйствительно, масса, почти всѣ мѣста заняты. Въ первый же актъ, какъ только упалъ занавѣсъ и публика готова была подняться со своихъ мѣстъ, Раховъ обратился къ ней съ горячею рѣчью, въ которой, описавъ нужду и нищету голытьбы гнѣвдядищейся на окраинахъ Одессы, призывалъ общество немедленно же придти на помощь.

Легко, конечно, представить себѣ финалъ подобной попытки: на сцену не замедлила, разумѣется, выступить полиція, затѣмъ—арестъ и протоколъ и окончательная развязка—въ участкѣ. Въ результатѣ Рахова отправляютъ изъ Одессы по этому на мѣсто родины въ архангельскъ. Здѣсь его „сажаютъ“ въ тюрьму, судятъ какъ распространителя какой то ереси, но, не найдя ни въ словахъ, ни въ поступкахъ его ничего предосудительнаго, оправдываютъ и выпускаютъ на волю“.

„Вскорѣ послѣ этого Раховъ опять уходитъ на югъ и затѣмъ черезъ годъ вновь препровождается по этапу на родину изъ Кіева. Замѣчательно, что и въ тюрьмѣ, и во время слѣдованія этапомъ онъ всегда былъ бодръ и „радостенъ“ (выраженіе конвоировъ) и имѣлъ неотразимое и благотворнѣйшее вліяніе на своихъ товарищей по неволѣ. По отзыву тюремщиковъ и конвойныхъ, разные бродяги, мошенники, слушавшіе его убѣжденную рѣчь, дѣлались нравственно чище, лучше, иные же положительно исправлялись“.

Попавъ снова въ Архангельскъ, Раховъ весь отдается живому, активному служенію ближнимъ, въ духѣ чистаго христіанства. Его лозунгомъ становится: „все для другихъ, ничего для себя“. Онъ входитъ въ тѣсное и близкое общеніе съ бѣднотой, гнѣвдядищейся на городскихъ окраинахъ, внимательно и подробно изучаетъ нужды этого люда. „Ежедневно, съ ранняго утра и до глубокой ночи, посѣщаетъ онъ ночлежные пріюты и

разные трущобы, въ которыхъ ютятся бѣдность, порокъ, преступленіе, учитъ добру, грамотнымъ раздастъ книги, помогаетъ, гдѣ и чѣмъ можетъ, миритъ ссорящихся“. Въ началѣ зимы 1893 года въ двухъ самыхъ заходустныхъ пунктахъ города, населенныхъ исключительно бѣдняками, Раховымъ были наняты квартиры, гдѣ онъ ежедневно кормилъ до ста и болѣе человѣкъ. „Эти трапезы обыкновенно начинались и оканчивались чтеніемъ Евангелія и житія святыхъ, разъясненіемъ ихъ и молитвою. Масса постороннихъ ходила изъ любопытства въ столовую Рахова единственно для того, чтобы послушать его бесѣды и чтенія. Но такъ какъ на устройство этихъ столовыхъ не было испрошено надлежащаго разрѣшенія, то послѣдовало закрытіе ихъ“.

Лишенный возможности организовать на болѣе широкихъ началахъ дѣло благотворительной помощи, Раховъ волей-неволей вынужденъ былъ сузить свою дѣятельность въ этой области. Тогда онъ началъ ходить изъ дома въ домъ, изъ лачуги въ лачугу, при чемъ, по увѣренію автора цитируемой нами корреспонденціи, „всегда являлся какъ разъ во-время тамъ, гдѣ требовалась немедленная помощь или утѣшеніе“. Зимой, ранней порой, когда еще темно темно, онъ выходилъ со двора съ санками, на которыхъ были уложены мука, хлѣбъ, дрова и т. п.; онъ останавливался у заранѣе отмѣченныхъ имъ избушекъ бѣдняковъ и оставлялъ у ихъ порога муку или дрова и затѣмъ удалялся, никѣмъ не замѣченный.

Среди бѣдняковъ и рабочаго класса города дѣятельность Рахова имѣла явное благотворное морализующее вліяніе. „Такъ, на нѣкоторыхъ лѣсопильныхъ заводахъ рабочіе, подъ вліяніемъ Рахова, ежедневно начинаютъ теперь работу общою молитвою, и, по отзыву заводчиковъ, вы нынѣ не услышите въ ихъ средѣ ни сквернословія, ни раздоровъ, ни ругани. Помимо этого, у нихъ замѣчается сильный подъемъ духа, и само дѣло отъ этого выигрываетъ“.

Въ заключеніе корреспонденціи авторъ задаетъ вопросомъ: „гдѣ же беретъ средства этотъ странный человѣкъ, чтобы поить и кормить массу голодныхъ людей, покупать книги для раздачи, помогать и т. д.“ „Богъ даетъ“, отвѣтили бы на такой вопросъ самъ Раховъ. Средства эти шлютъ ему отовсюду, и въ этомъ отношеніи онъ такъ же обезпеченъ, какъ Іоаннъ Кронштадтскій“¹⁾.

Особенно много сдѣлалъ Раховъ для бѣднѣйшей части Архангельскаго населенія въ тяжелую годину памятной всѣмъ голодовки 1892 года. Помимо открытыхъ имъ столовыхъ, въ которыхъ кормились всѣ бѣдняки и нищіе города, а также пришлый людъ, особенно изъ числа богомольцевъ, ежегодно въ огромномъ числѣ направляющихся въ Соловецкій монастырь,—Раховъ на одной изъ

1) „Недѣль“, 1893 г., № 16, стр. 507.

окраинъ города, населенной преимущественно бѣднотой, въ Кузнечихѣ, устроилъ мастерскія, или вѣрнѣе домъ трудолюбія, гдѣ бѣдняки, не имѣвшіе средствъ завести свое собственное дѣло и пріобрѣсти инструменты, занимались столярнымъ и сапожнымъ ремеслами, щипали пеньку, плели коврики и т. д. Тутъ были какъ мужчины, такъ и женщины.

Затѣмъ, снявъ особый домъ, онъ устроилъ въ немъ пріютъ на 40 человѣкъ дѣтей, въ который принимались дѣти, преимущественно сироты, съ грудного возраста и до 12 лѣтъ. Наконецъ, имъ устроенъ былъ ночлежный домъ для всѣхъ безпріютныхъ и бездомныхъ. Но ему и этого казалось мало, и онъ готовъ былъ каждую минуту дѣлиться всѣмъ, что онъ имѣлъ, съ бѣдняками и нищими. У него ничего не было своего, личнаго, завѣтнаго, съ чѣмъ бы онъ не разстался и не подѣлился бы съ нищими, босяками и нищими. Бывали случаи, когда онъ, въ суровую зимнюю вьюгу, встрѣтивъ гдѣ-нибудь босяка или нищаго, одѣтаго въ дырявое рубище, обмѣнивался съ нимъ платьемъ, бывшимъ въ это время на немъ. Однажды, встрѣтивъ нищаго, дрожавшаго отъ холода, Раховъ снялъ съ себя только-что подаренную ему отцомъ прекрасную шубу на лисьемъ мѣху и одѣлъ ее на нищаго.

Вполнѣ естественно, что вся городская голытьба смотрѣла на Рахова, какъ на своего благодѣтеля; она чуть не молилась на него. Что касается другихъ слоевъ населенія, то они относились къ этому необыкновенному человѣку весьма различно, хотя, повидимому, всѣ безусловно вѣрили въ полную искренность его побужденій и тѣхъ внутреннихъ, этическихъ мотивовъ, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Но одни считали его чудачкомъ и оригиналомъ, другіе—религіозно настроеннымъ мистикомъ и „человѣкомъ не отъ міра сего, третьи, наконецъ,—не вполнѣ нормальнымъ, немного „тронувшимся“ человѣкомъ.

Какъ бы то ни было, но довольно долгое время все шло вполнѣ благополучно: учрежденія, созданныя Раховымъ на пользу населенія, постепенно развивались и крѣпли. Вдругъ по городу пошли какіе-то странные, тревожные слухи. Судя по этимъ слухамъ, можно было заключить, что мѣстное духовенство заподозрило Рахова въ неисполненіи имъ нѣкоторыхъ обрядовъ православной церкви. Тайнственно сообщалось о какихъ-то брошюркахъ и книжкахъ, которыя читались иногда въ открытыхъ имъ учрежденіяхъ и которыя якобы не вполнѣ согласны съ ученіемъ и правилами православной церкви. Говорилось, что Раховъ будто бы съ недостаточнымъ почтеніемъ относится къ иконамъ св. угодниковъ.

Произведены были обыски въ учрежденіяхъ, организованныхъ Раховымъ, но при этомъ рѣшительно ничего не только преступнаго, но и сколько-нибудь подозрительнаго обнаружено не было.

Иконы вездѣ оказались на подобавшихъ имъ мѣстахъ, брошюрки, возбуждшія тревогу и подозрѣнія мѣстныхъ священниковъ, оказались самыми невиннѣйшими книжками, прошедшими всевозможныя цензуры.

Тѣмъ не менѣе, однако, по настоянію духовныхъ властей, противъ Рахова было возбуждено судебное преслѣдованіе, и затѣмъ онъ былъ привлеченъ къ суду; дѣло его разсматривалось архангельской палатой. Когда ему предложили избрать себѣ защитника, онъ отказался, замѣтивъ: „Богъ защититъ“. Къ сожаленію, намъ не пришлось узнать, какъ именно было сформулировано обвиненіе противъ Рахова, но судомъ, какъ мы уже упоминали выше, онъ былъ оправданъ, такъ какъ ровно ничего преступнаго въ его дѣйствіяхъ судъ не нашелъ.

Мѣстная администрація, во главѣ съ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ, также ничего не имѣла противъ Рахова и его дѣятельности. Но архангельское епаркіальное начальство, очевидно, было на этотъ счетъ другою мнѣнія, такъ какъ нашло необходимымъ возбудить ходатайство о ссылкѣ и заключеніи Рахова въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Ходатайство это было немедленно уважено, и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1894 года въ Архангельскѣ получило изъ Петербурга распоряженіе объ отправкѣ Рахова въ Суздальскую монастырскую тюрьму.

Немедленно же по полученіи въ Архангельскѣ распоряженія о ссылкѣ въ монастырь Рахова, послѣдній былъ арестованъ и заключенъ въ тюремный замокъ, къ великому ужасу его отца и матери. Затѣмъ, съ первымъ же этапомъ, 20 октября, въ 8 часовъ утра, Раховъ былъ отправленъ въ г. Суздаль, при чемъ ему не разрѣшено было проститься даже съ родной матерью и отцомъ.

Ссылка въ монастырь единственнаго сына, на котораго семьей возлагались всѣ надежды, страшно поразила и потрясла какъ старика отца, такъ и его жену. Послѣдняя не перенесла удара: она слегла въ постель и, прохворавъ около трехъ мѣсяцевъ, умерла „отъ скорби“ 10-го февраля 1895 года. Со смертью жены старикъ остался одинокимъ бобылемъ. Съ горечью, хотя и безъ малѣйшаго озлобленія, жаловался онъ на тяжелый ударъ судьбы, поразившій его семью. Убитой горемъ отецъ, между прочимъ, съ тревогой высказывалъ предположеніе, что одиночное тюремное заключеніе можетъ особенно сильно повліять на мистически настроенное воображеніе его сына и даже можетъ повлечь за собою полное душевное расстройство его, тѣмъ болѣе, что ранѣе, въ молодости, онъ уже перенесъ приступъ психической болѣзни.

Несчастный старикъ всю надежду возлагалъ на прошенія, которыя онъ подавалъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ которыхъ онъ умолялъ объ освобожденіи его сына изъ монастырской тюрьмы и объ отдачѣ его ему на поруки...

Увы! надеждѣ этой не суждено было осуществиться: старикъ умеръ, такъ и не дождавшись освобожденія сына изъ монастырскаго каземата.

Но есть основаніе думать, что мольбы и прошенія старика Рахова, въ концѣ концовъ, все-таки были услышаны—Василій Осиповичъ Раховъ былъ освобожденъ изъ Суздальскаго монастыря въ августѣ 1902 года. Онъ поселился въ Архангельскѣ, въ семьѣ своихъ родственниковъ. Восемилѣтнее тяжелое одиночное заключеніе, повидимому, не прошло для него безслѣдно. Люди, знавшіе молодого Рахова до его ссылки и послѣ нея, говорятъ, что опасенія его отца за психическое состояніе здоровья сына имѣли полное основаніе. Долголѣтняя тюрьма наложила страшную печать на весь духовный обликъ несчастнаго узника, на всю его психику *).

Благочинный.

Онъ не хотѣлъ, чтобы въ Петербургѣ могли сказать: „есть здѣсь князь, который...

Очень не хотѣлъ.

Не хотѣлъ, чтобы мать, выплакавшая слезы за свою дочь, ходила къ нему.

— Что ищите здѣсь? Ищите въ небесной канцеляріи...

Вѣрно.

Всѣ просьбы и мольбы матери разобрать дѣло родной дочери и ея четырехъ дѣтей свелось къ знаменитому смѣдствію, которое велъ „благочинный“. Въ два года, не больше, этотъ мужъ написалъ странное донесеніе съ анализомъ мотивовъ за и противъ и умѣстилъ, какъ волшебникъ въ маленькую черную палочку, всю двухгодичную слѣдственную комедію въ четырнадцать писанныхъ строкахъ.

Къ новому году родилось еще пять строкъ.

Вотъ онъ:

Въ мрачной комнатѣ, безъ оконъ, безъ мебели, безъ тепла важно похоронена молодая женщина... Она на рубежѣ между разумомъ и безуміемъ... двѣ пятикопеечныя булки и двѣ полбутылки молока питають бьющійся въ ея груди огонекъ жизни...

Новый годъ принесъ для нея свѣтъ...

*) Это мы писали въ 1904 году, но въ слѣдующемъ же году намъ удалось ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ о ссылкѣ и заточеніи Рахова въ Суздальскій монастырь и сняты точныя копии со всѣхъ бумагъ и документовъ, составляющихъ это „дѣло“. Всѣ эти данныя были опубликованы нами въ особомъ очеркѣ, озаглавленномъ „Вопиющее дѣло“; очеркъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ газетѣ „Русь“, а затѣмъ вышелъ отдѣльной брошюрой въ изданіи „Свободной Россіи“,—Москва, 1906 года. Приведенныя въ очеркѣ официальныя данныя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ В. О. Рахова духовныя власти заточили въ монастырскую тюрьму человека, *религиозно ни въ чемъ не виновнаго*... Такъ дѣйствовала православная инквизиція, вдохновляемая Аракчеевымъ русской церкви, К. П. Побѣдоносцевымъ.

Съ новымъ годомъ, господа! одною страдающею душою меньше!..

Тамъ слѣдствіе велъ, здѣсь дѣло велъ...

„Благочинный“.

Приходъ выбиралъ церковнаго старосту. Выбрали М. и И. М. получилъ до 30 голосовъ, И. до 20.

Но сдѣлаемъ одинъ шагъ въ сторону.

Когда-то, не такъ давно, въ приходѣ, гдѣ „благочинный“, считается „настоятелемъ“ храма, христіанскаго храма, конечно, завелась вражда между нимъ и другими священниками. День за днемъ, мѣсяцы, годы—„благочинный“ окончательно озлобился. Что ни предпринимали прихожане для устраненія вражды, все тщетно. Однажды М., какъ истинный христіанинъ, обратился къ „благочинному“ съ просьбою бросить старую вражду, забыть ее и начать новую жизнь, благочинную, и поклонился ему въ ноги.

— Какъ! я долженъ забыть обиды? я долженъ... Такъ ты вотъ что?.. погоди, припомню...

И новое влилось въ сердце „благочиннаго“—месть...

И вспомнился Муравовъ.

— „Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Что если бы ты всю свою силу, которую направилъ на мертвыя души—да направилъ въ другую сторону. И какой бы удивительный человекъ сталъ. Сколько ума и воли пропало ни за что для человѣческаго рода, сколько зла и мерзости всплыло наружу... Эхъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ“.

И написалъ „благочинный“ протоколъ избранія старосты: большинствомъ голосовъ выбрали изъ всѣхъ кандидатовъ М. и И., о которыхъ и такъ даѣе.

— Нѣтъ, позвольте, какъ это выпишите—„большинствомъ голосовъ“? Необходимо указать точное количество голосовъ, протестовали избиратели.

— Вѣдь все равно...

— Иавините...

Вставили, что М. выбрали 30 голосами, а И. 20.

„Вѣдь все равно“—прозорливецъ „благочинный“—стало тѣмъ, что сфера утвердила кандидата съ двадцатью голосами.

И для чего устраивать комедію да еще съ „благочинными“?

Это старый годъ... старый... Новый годъ не начнется комедіей...

Съ новымъ годомъ, господа! Съ новымъ годомъ безъ коледій, но и безъ драмъ...

Есть такой присяжный повѣренный... фамилія его происходитъ отъ времени года... Не вспомнить только...

Кажется—Морозовъ...

— Сидитъ Морозовъ въ своемъ кабинетѣ съ лицомъ веселымъ, даже радость видна. Онъ только что проводилъ священника, служившаго праздничный молебенъ. На душѣ легко. Свѣтлый ликъ Предвѣчнаго воскресъ въ его сердцѣ...

Звонокъ.

Морозовъ вздрогнулъ.

— Дома?

— Дома.

Въ прихожей происходитъ шумъ отъ спимаемыхъ шубъ и калошъ.

Въ дверяхъ показывается хозяинъ. Къ нему подходитъ „благочинный“.

— Извините, только что служилъ молебенъ священникъ нашего прихода, говоритъ Морозовъ.

— Это не важно, я снова буду служить.

Морозовъ удивленъ.

„Благочинный“ облачается и идетъ въ залъ. За нимъ, тихо ступая ногами, идутъ его помощники.

— Еще разъ прошу извиненія, говоритъ Морозовъ—у насъ молебенъ уже былъ, поэтому прошу васъ...

— Я тоже буду служить...

— Прошу васъ обратить на мои слова вниманіе: я не желалъ бы вашей службы...

Всѣ присутствующіе растерялись.

Еще секунда...

„Благочинный“ снимаетъ одежды, не слыша надѣваетъ шубу и медленно уходитъ. Его помощники, блѣдые, смущенные, желали бы птицами улѣтѣть изъ прихожей.

— „Паденіе авторитета духовенства, неуваженіе къ нашему сану... насъ и за людей не хотятъ принимать... Кутейники, говоритъ, копейники... Думы ваши о земномъ...—ворчала идущая сзади свита.

— „А помните случай, когда „благочинный“ четыре раза въ одну и ту же квартиру приходилъ?“

— „Помнимъ и то, что на четвертый разъ рубль получилъ“.

— „Вѣрно, за тѣмъ и ходилъ“.

Смолкли. Съѣли въ карету и уѣхали... прочь отъ стараго года. Прочь...

Съ новымъ годомъ, господа! Съ новымъ авторитетомъ и уваженіемъ къ новому духовенству...

Холодно. У подъѣзда стоятъ двѣ кареты. Выходитъ „благочинный“ и идетъ къ первой каретѣ.

Къ нему подходятъ священникъ и диаконъ.

— Какъ намъ ѣхать и куда ѣхать?

Благочинный быстро входитъ въ первую карету и уѣзжаетъ.

У оставшейся кареты стоитъ группа изъ двухъ священниковъ, діакона и нѣсколькихъ ивъчихъ.

Иввозчики радусами окружаютъ карету и шумными предложеніями нарушаютъ тишину утра.

Группа входитъ въ карету. Въ открытую дверь виднѣются спины, воротники шубъ, шапки, балансирующія руки...

Шагомъ трогаются съ мѣста.

— Съ новымъ годомъ, господа, будьте счастливы.

— Вотъ вамъ четвертая доля, сто тридцать, — и „благочинный“ вручаетъ псаломщику деньги, вырученныя съ первой каретой.

— Давайте дѣлать, отцы, говоритъ одинъ изъ священниковъ второй кареты.

И досталось сто тридцать на брата.

— Какъ же такъ,—басомъ возражаетъ одно лицо—мы поровну и сто тридцать, а „благочинный“ три четверти—триста девяносто—и одинъ. Нѣтъ, я поѣду къ митрополиту искать справедливости. Нельзя обижать слабыхъ... Я...

— Бросьте, отецъ, не возмущайтесь.

— Какъ? вы не знаете, что „благочинный“ беретъ, напримѣръ, за требу десять рублей, а дѣлать между нами четыре только или четыре съ полтиной, или беретъ за сорокоустъ и ни копейки не показываетъ въ братскій доходъ, а мы-же служимъ въ храмъ?

На лицахъ слушателей крайнее удивленіе.

— Вы говорите, отецъ, такія вещи, что онъ ложится черной тѣнью на благочиннаго.

— Я имѣю свидѣтелей, извините. Я буду кричать, что меня обворовываютъ, грабятъ... Развѣ это благочинный? Или не долженъ знать митрополитъ? Я дойду до митрополита и выложу какъ на блюдѣ...

Съ Новымъ годомъ, отцы, съ Новымъ годомъ, но берите блюдо потолще и покрѣпче, чтобы выдержало...

З. Соловьевъ.

Открытое письмо членамъ будущаго черновнаго собора *).

Къ вамъ я обращаюсь, вѣтчи православія, ревнители благочестія. Много лѣтъ я слушалъ васъ и вольно и невольно бралъ у васъ благословеніе по обязанности, цѣловалъ ваши руки изъ страха, не по любви къ вамъ, а съ отвращеніемъ. Вы мнѣ много говорили о Богѣ, о любви къ ближнему, о страхѣ и смиреніи; но такъ какъ слова ваши всегда расходились съ дѣлами, то я не могъ ни вѣрить вамъ, ни уважать васъ.

Требованіе здраваго смысла заставило меня уйти съ вашей дороги, на которую я попалъ по своему легковѣрью и необходимости. Позвольте же и мнѣ, наконецъ, сказать вамъ нѣсколько словъ. Давно уже собираетесь вы облагодѣтельствовать Россію, собравшись и измѣнивъ то-то и то-то.

Закрывая глаза, я вижу ваше собраніе. Собретесь вы, маститые, образованные, заслуженные, благообразные, чистые тѣлесно; отслужите вы торжественный молебенъ Господу Богу, пожелаете много лѣтъ здравствовать святѣйшему синоду и всѣмъ православнымъ христіанамъ, размѣнитесь чинно, по старшинству и начнете благодѣтельствовать родину...

Впередъ ужасаюсь я отъ такого благодѣтельства и рѣшаюсь указать вамъ на тѣ раны жизни нашей, которыя не видны для васъ и крайне замѣтны для другихъ.

Слышалъ я, что первое ваше благодѣтельство состоитъ въ увеличеніи штата служителей церкви. Будто бы вмѣсто одного псаломщика предполагается на-

*) Выдержки изъ письма, помѣщеннаго въ газетѣ „Русь“.

значить въ каждой церкви по меньшей мѣрѣ четырёхъ служащихъ... Если это хотя отчасти правда, ради Бога остановитесь, пока не поздно! Все можете выдумать, но увеличеніе ѣдоковъ отмѣните длясобственной же своей пользы.

И еще прошу васъ, благодѣтелей нашихъ, не хлопотать объ увеличеніи содержанія, а подумать о томъ, что нельзя ли обойтись безъ енотовыхъ шубъ и шелковыхъ рясъ? Подумайте о томъ, нельзя ли дѣлать для себя необходимос своими руками?

Христосъ училъ такъ: „Старшій изъ васъ пусть будетъ слугою меньшему“. Но такъ какъ вы учите, что ученіе Христа не нужно буквально понимать, то сдѣлайте хотя такъ, чтобы служить самимъ себѣ, не обязывая къ этому другихъ.

Вы, владыки земные, въ митрахъ, дорогихъ крестахъ и орденахъ! Вы окружили себя почестями, блескомъ, добились того, что при васъ боятся, а безъ васъ смѣются надъ вами или проклинаютъ. Вы кагаете правду и поощряете лесть, низкопоклонство. Подумайте основательно о томъ, кому и чему вы служите? Неужели вы служите тому Христу, Который велъ борьбу съ книжниками и фарисеями, наружно благочестивыми, внутренно же пустыми, лживыми и ненавидящими правду?

Спрашиваю васъ, пастыри душъ нашихъ, большіе и маленькіе,—кому вы служили: Богу правды и любви, или золотому тельцу? Храмы наши благолѣпны, вы являетесь народу въ дорогихъ ризахъ, у васъ много прислужниковъ, служеніе Богу даетъ вамъ хорошій доходъ, свѣчная торговля даетъ огромную выручку, изъ чего образуются церковные капиталы; но скучно, пусто въ нашихъ храмахъ! Нѣтъ тамъ живого, правдиваго слова. Не вѣрятъ вамъ, а вы силитесь доказать, что въ людяхъ ослабла вѣра въ Бога...

Слаба моя вѣра въ ваши благія намѣренія, но все же обращаюсь къ вамъ еще съ просьбой. Не лгите предъ народомъ, увѣряя его, что только по особому ходатайству простятся вамъ нѣкоторые грѣхи. Это можно допустить только между людьми, зависящими другъ отъ друга; Христосъ же училъ, что лишь тотъ войдетъ въ небесное царство, кто покаянне чистое принесетъ и перемѣнитъ жизнь; не дѣлайте поэтому росписанія, что простой молебенъ стоитъ 30 к., а съ акакистомъ 1 р. Не устанавливайте платы за входъ въ царство небесное, потому что противно это христіанскому ученію и не выдерживаетъ простой человѣческой критики. Не поселяйте въ народѣ вражду къ другимъ народностямъ, потому что предъ Богомъ все равны и нѣтъ предписанія однихъ любить, другихъ ненавидѣть. Самъ Христосъ говорилъ о томъ, какъ можетъ быть добрымъ человѣкъ другой вѣры.

Вы насъ всегда страшили страшнымъ судомъ за непочтеніе старшихъ; а я вамъ предсказываю: если изъ собора вашего выйдетъ чтонибудь старое на новый ладъ, то ждетъ васъ строгій и человѣческой судъ.

Бывшій псаломщикъ изъ крестьянъ.

Редакторъ-изд. *Вас. Пав. Медведъцкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

1907 годъ

на еженедѣльный журналъ

„Глаголь Времени“.

ОРГАНЪ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ большаго формата по слѣдующей программѣ:

1) жизнь человѣка, какая она есть и какой должна быть. Церковь и школа, какъ имѣющія значеніе первыхъ воспитателей и наставниковъ въ жизни правды, свѣта, любви. 2) Великороссійская церковь. 3) Единовѣріе. 4) Старобрядчество. 5) Сektанство. 6) Инославный мѣръ. Значеніе ихъ въ смыслѣ осуществленія этихъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь. 7) О самовоспитаніи и самообразованіи: а) воля, воспитаніе умственное, нравственное и физическое; б) дѣти и ихъ воспитаніе; в) родители и окружающая среда, влияющіе на воспитаніе подросткаго поколѣнія. 8) О познаніи міра видимаго и невидимаго: а) душа наша, какъ познавательная способность; б) что мы знаемъ и что могли бы знать при развитіи и воспитаніи нашихъ духовныхъ силъ. 9) Вопросы философіи и психологіи и какъ при ихъ помощи можно видѣть явленія нашей жизни въ дѣйствительномъ свѣтѣ. 10) Хроника. 11) Лѣтопись жизни Единовѣрія. 12) Отвѣты и запросы. 13) Вѣсти по приходамъ. 14) Библиографія. 15) Объявленія.

Кромѣ журнала „Глаголь Времени“, выходящаго еженедѣльно, открыта подписка на журналъ съ особыми ПРИЛОЖЕНІЯМИ о жизни и бытѣ единовѣрія, сектантства, старобрядчества и прочее, имѣющими выходить отъ двухъ до четырехъ разъ въ мѣсяцъ при ближайшемъ участіи священника *Силеона Ив. Шлева*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

Съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ съ доставкой и пересылкою: на годъ—шесть руб., на полгода—четыре рубля, на одинъ мѣсяцъ—70 коп. Отдѣльный номеръ 15 копеекъ.

БЕЗЪ приложеній съ доставкой и пересылкою: на годъ—пять руб., на полгода—три руб., на одинъ мѣсяцъ—60 коп. Отдѣльный номеръ 10 коп.

НА ОДНѢ ПРИЛОЖЕНІЯ съ доставкой и пересылкою: на годъ два руб., на полгода одинъ руб. Отдѣльный номеръ 6 копеекъ.

Всѣмъ, подписавшимся до 7 февраля, годовой экземпляръ будетъ стоить безъ приложеній 4 р., съ приложеніями 8 р.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Па. Ио. Артёмьевъ, С. Бануриинъ, В. О. Болмоостій, Б. Ф. Гейеръ, Андрей Горбатовъ, Ахилла Десницкій (псевд.), М. М. Крамалей, Б. Коршуновъ, священ., Яр. Па. Медведъ, К. А. Максимовъ, Василий Мед., Па. Осиповъ, В. П. Подольникъ, священ., Як. Мат. Святловъ, З. В. Соловьевъ, Вас. Чехъ и друг.

Подписка принимается во временной Конторѣ „ГЛАГОЛА ВРЕМЕНЬ“: *С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 22, кв. 2.*

Контора открыта во все дни, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 дня. Подписавшіеся непосредственно въ конторѣ Редакціи—пользуются правомъ разсрочки платитъ за журналъ по одному руб. въ мѣсяцъ.